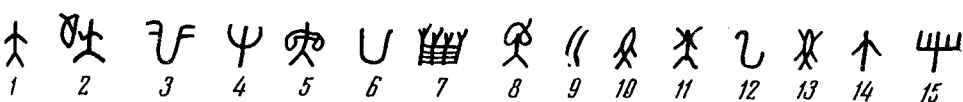

не связывавшимися этимонами неизбежно требует и будет требовать все большего прояснения в закономерности развития дравидских языков. В этой связи «удельное значение» каждого нового, пусть небольшого и частного, открытия в указанной области резко возрастает. Поэтому представляется уместным еще раз обратить внимание читателей на этимологические находки Н. В. Гурова, отчасти уже нами упоминавшиеся, хотя бы просто перечислив их: возведение протодравидского *vel-pV- «жертвоприношение» к *vel-/vil- «внешнее; выливать, лить»; ассоциация с этим корнем тамильско-малаяльского vellam «вода и т. д.», телугу velluva «наводнение»; вполне корректная этимологическая ассоциация тамильского alakam «вода», каннада alaka «жидкость», телугу aluku, колами alk, найки alk, куи lanja «разбрызгивать» скуи lāka «[совершать] жертвоприношение»; на этой основе (с привлечением дополнительных индологических аргументов) — прослеживание семантического перехода «лить, брызгать; вода, жидкость» → «жертвоприношение»; сведение архетипов названий пресноводных рыб (гл. обр. карповых) *kay-al (*key-al), *kay-(*key-) и *kantu-kay, *kantu-key (последний выведен Н. В. Гуровым путем анализа соответствующих основ тамильского, телугу и каннада) к одному корню (представленному во втором архетипе вторым компонентом) и обоснование генетического тождества этого корня с *key- и т. д. «красный»; частичная этимологизация на этой основе слова телугу сёра «рыба» (<*сётра < *kē-m-ra, (?) *key-m-ra).

Таблица знаков

С. Г. Рудин, В. Г. Эрман

НАРОДЫ СССР

Историко-этнографический атлас «Русские». М., 1967.

Атлас «Русские», подготовленный коллективом авторов Института этнографии АН СССР под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (отв. редактор), М. Г. Рабиновича, — заметное явление в нашей научной литературе. Детально изучены и впервые нанесены на карты такие важнейшие элементы материальной культуры русского народа, как техника земледелия, крестьянское жилище, традиционная одежда. 75 карт и объемистый том пояснительного текста — таков итог этого труда. В аннотации к атласу написано, что он «будет полезным работникам науки и практическим работникам самых различных специальностей». Действительно, художники, краеведы, архитекторы найдут в этом атласе много чрезвычайно нужных сведений, не говоря уже об историках и этнографах, для которых атлас явится настольной книгой. Польза, которую может принести картографирование этнографических данных, была понятна исследователям уже давно. И если этнографическое картографирование не получило до сих пор достаточного развития, то это объясняется не недооценкой этого метода, а лишь тем, что им не могли широко пользоваться, так как накопленного материала было слишком мало. Настоящий атлас смог выйти в свет, в первую очередь, потому, что в послевоенные годы коллектив его авторов и экспедиции, проведенные Институтом этнографии АН СССР, собрали огромное количество материалов; кроме того, были мобилизованы музейные и архивные фонды.

Все это позволило не только поместить в атласе серию карт, регистрирующих распространение важнейших элементов материальной культуры, но и использовать картографирование как метод научного исследования, с помощью которого удалось выявить целый ряд закономерностей, создать определенные типологические классификации и пр. Эти выводы четко отражены в статьях атласа.

Однако, помимо широты и богатства собранного материала, наиболее существенной чертой атласа является исторический подход, положенный в основу методики его составления. Атлас называется не этнографическим, а историко-этнографическим, и его содержание полностью соответствует этому названию.

Хорошо известно, что процесс изменения культуры и быта русского населения стал особенно интенсивным во второй половине XIX в. Особенно же изменился быт русской деревни в результате социалистических преобразований после Великой Октябрьской социалистической революции. Обычно картографирование определенных этнографических данных отражает картину, характерную лишь для сравнительно недавнего времени. Естественное, что такая картина не может дать представления о процессах развития.

Более того, она может даже привести к совершенно искаженным выводам, поскольку эти же элементы могли иметь совершенно иное распространение всего каких-нибудь 50 лет назад. Составители атласа пошли по иному пути. Они картографировали каждый элемент материальной культуры по состоянию на два различных периода — середину XIX в. и на конец XIX — начало XX в. Наличие двух карт, показывающих распространение одного и того же элемента на двух различных этапах, дало возможность выявить динамику процесса, тенденции развития.

Для того чтобы иметь возможность зафиксировать на карте этнографические середины XIX в., нужно было собрать все сохранившиеся сведения, поднять огромный литературный и архивный материал. Особенно ценные сведения дали изучение ответов на анкеты, в частности на анкету, разосланную Русским Географическим обществом в 1848 г. Но для успешного использования архивных сведений оказалось необходимым соответственно составить задания и для современных этнографических экспедиций. Их необходимо было построить так, чтобы они выявили материалы, легко сопоставимые с архивными данными. Таким образом, характер атласа был определен заранее, и вся последующая работа по собиранию этнографических сведений должна была быть подчинена этой задаче.

Общие принципы построения атласа были тщательно обсуждены и опубликованы в ряде статей¹. Эта заблаговременная и тщательная подготовка прекрасно чувствуется при пользовании атласом.

Выявление тенденций изменения форм материальной культуры от середины XIX до начала XX в. дает историкам возможность делать определенные заключения и об историческом развитии этих форм. Конечно, простая экстраполяция, сделанная на основании выявленных тенденций, не может дать достаточно убедительных данных. Но сравнение сведений атласа с отдельными, хотя бы даже отрывочными данными по материальной культуре более ранних этапов может послужить базой для серьезных выводов. В статьях, содержащихся в атласе, авторы пытались наметить развитие отдельных элементов материальной культуры русского народа для достаточно продолжительного исторического периода. В ряде случаев они привлекают даже археологические материалы IX—X вв. Впрочем именно выводы, основанные на них, являются наиболее уязвимыми. Археологические данные о земледелии, жилище и одежде в Древней Руси еще настолько отрывочны и настолько плохо систематизированы, что требуют самостоятельного изучения. Приводимые же в статьях археологические сведения по большей части случайны и не отражают общей картины развития форм материальной культуры IX—X вв.

Наиболее существенным недостатком атласа, который особенно почувствуют историки, интересующиеся ранними периодами русской истории, является ограничение его рамками русского населения. Для эпохи Древней Руси нельзя отделять материальную культуру населения, жившего на территории современной России и современной Украины и Белоруссии. Поэтому для более или менее широких выводов нужно иметь этнографические карты, охватывающие всю восточнославянскую территорию.

Следует отметить и некоторые технические дефекты атласа. Так, карты, показывающие распространение одинаковых элементов материальной культуры на разные даты, расположены на разных сторонах одного и того же листа, что очень мешает их сопоставлению.

Выход в свет атласа «Русские» настоятельно диктует необходимость подготовки подобных ему атласов «Украинцы» и «Белорусы». При этом очень важно, чтобы эти атласы были построены по единой системе и чтобы их материалы были легко сопоставимы. В печати уже появилась информация о том, что подобная работа проводится².

Коллектив авторов историко-этнографического атласа «Русские» свое дело выполнил прекрасно. Будем надеяться, что украинские и белорусские этнографы последуют этому примеру.

П. А. Рамонорт

¹ См., например, П. И. Кушнер (Кнышев), О русском историко-этнографическом атласе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXII, 1955; М. Г. Рабинович, Историко-этнографический атлас «Русские», «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963; О. А. Ганцкая, Г. С. Маслова, Д. В. Наидич, Русский историко-этнографический атлас, «Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1960 (на франц. яз.).

² S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslisty, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentjew a, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR. Der VIII Internationale Kongress der Anthropologen und Ethnographen, М., 1968.

Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968, 348 стр.

В 1968 г. вышла в свет коллективная монография «Культура и быт народов Северного Кавказа», написанная сотрудниками сектора Кавказа Института этнографии АН СССР под редакцией В. К. Гарданова.